

УДК 882.6.09.

Баженов А.М.¹

**ОБРАЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ АЛЕКСИЕВИЧ**

Российская академия естествознания

Bazhenov A.M.

**THE IMAGE OF THE HEROIC WOMAN IN THE WORKS
SVETLANA ALEXANDROVNA ALEXIEVICH**

Russian Academy of Natural Sciences

Аннотация. В статье анализируется образ героической женщины поколения военных лет, который изображен в книгах С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели». Показываются невероятные трудности, которые женщины преодолевали во время войны. Раскрывается подвиг женщин-фронтовиков, которые внесли значительный вклад в осуществление победы советского народа над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; врач; медсестра; немцы; партизанка; подпольщица; раненый; санинструктор; сапер; смерть; снайпер; фронт.

Abstract. The article analyzes the image of a heroic woman of the generation of the war years, which is depicted in the books of S. A. Alexievich «The war is not a woman's face» and «The Last Meetings». The incredible difficulties that women overcame during the war are shown. The feat of women front-line soldiers who made a significant contribution to the realization of the victory of the Soviet people over fascist Germany is revealed.

Keywords: Great Patriotic War; doctor; nurse; Germans; partisan; underground worker; wounded; medical instructor; sapper; death; sniper; front.

Светлана Александровна Алексиевич (1948) является лауреатом Нобелевской премии по литературе 1915 года. Она написала две книги, которые связаны с событиями Великой Отечественной войны². Первая из них – «У войны не женское лицо» - посвящена героизму женщин поколению военных лет. Название книги – начальные строки из романа белорусского писателя Алеся Адамовича (1927 – 1994) «Война под крышами». Произведение Светланы Алексиевич представляет собой документально-очерковую книгу. Герои этой книги – это более двухсот женщин-фронтовиков, подпольщиц, партизанок, чьи рассказы – исповеди о пережитом в годы войны и легли в основу произведения.

¹ Баженов Анатолий Матвеевич – канд. ист. наук, профессор Российской академии естествознания.

² Алексиевич С.А. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. 464 с.

При написании произведения С. Алексиевич руководствовалась умозаключением: «Собранные вместе рассказы женщин рисуют облик войны, у которой совсем не женское лицо. Они звучат как свидетельства – обвинения фашизму вчерашнему, фашизму сегодняшнему и фашизму будущему. Фашизм обвиняют матери, сестры, жены. Фашизм обвиняет женщина» (Алексиевич, с. 11).

Автор книги «У войны не женское лицо» придерживается определенной логической линии в изложении рассказов своих героинь. Она старается представить минимум своих обобщений и дать возможность высказаться свидетелям военного лихолетья, донести живой голос участниц исторических событий. Вот рассказ Ксении Сергеевны Осадчевой: «В сорок втором году добровольно пошла в эвакосортировочный госпиталь три тысячи двести первый. Это был очень большой фронтовой госпиталь... Бои шли очень жестокие, раненых было много. Меня поставили на раздачу питания – эта должность круглосуточная, уже утро и надо подавать завтрак, а мы еще раздаем ужин. Через несколько месяцев ранило в левую ногу – скакала на правой, но работала. Потом еще дали должность сестры-хозяйки, это тоже надо быть на месте круглосуточно» (Алексиевич, с. 33).

Молодые девушки часто на фронте поступали вопреки мерам безопасности. Об одном таком случае рассказывает санинструктор пулеметной роты Надежда Васильевна Анисимова: «Один раз ночью разведку боем на участке нашего полка вела целая рота. К рассвету она отошла, а с нейтральной полосы послышался стон. «Не ходи, убьют, - говорили мне бойцы, видишь, уже светает».

Не послушалась, поползла. Нашла раненого, тащила его восемь часов, привязав ремнем за руку. Приволокла живого. Командир узнал, объявил сгоряча пять суток ареста за самовольную отлучку. А заместитель командира полка отреагировал по-другому: «Заслуживает награды». Я понимала их обоих...» (Алексиевич, с. 36).

Тяжелые испытания приходилось переносить женщинам-подпольщицам в оккупированных немцами городах Белоруссии. О необычном способе своей работы рассказывает подпольщица Мария Тимофеевна Савицкая-Радюкович из города Слуцка: «Ребенок у меня был маленький, три месяца, я с ним на задание ходила. Комиссар меня отправлял, а сам плакал: «Душа болит». Медикаменты из города приносила, бинты, сыворотку... Между ручек и между ножек положу, пеленочками перевяжу и несусь. В лесу раненые умирают. Надо идти. Никто не пройдет, везде немецкие и полицейские посты, одна я проходила.

Теперь так рассказывать трудно. Чтобы была температура, ребеночек плакал, солью его натирала. Он тогда красный весь, по нем сыпь, он из шкуры вылезает. Подхожу к посту: «Тиф, пан... Тиф...» Они кричат, чтобы скорее уходила: «Век!.. Век...» И солью натирала, и

в попку чесночок клала. А дитяtko маленькое... С трех месяцев я с ним ходила на задание. Еще грудью кормила...

Как пройдем посты, войду в лес, плачу-плачу. Кричу! Так дитяtko жалко. А через день-два иду. Надо...» (Алексиевич, с. 41 – 42).

С. Алексиевич отмечает, что девушкам не сразу и нелегко давалась на войне солдатская наука. Потребовалось надеть кирзовые сапоги, шинель, обрезать косы, привыкнуть к форме, научиться различать, кто в каком звании, поражать «цель», ползать по-пластунски, наматывать портянки, не спать по несколько суток, в считанные секунды надевать противогаз, копать окопы. Одним словом, существовала та будничная вещественность войны, о которой они не подозревали, когда просились на фронт.

Во время войны девушки служили и в авиации. Капитан авиации Клавдия Ивановна Терехова, которая служила в авиационном полку под командованием Героя Советского Союза Марины Михайловны Расковой (1912-1943), рассказывает: «Летали мы на истребителях. Сама высота была страшной нагрузкой для всего женского организма, иногда живот прямо к позвоночнику прижимало. А девочки наши летали и сбивали асов, да еще каких асов! Знаете, когда мы шли, на нас мужчины смотрели с удивлением: летчицы идут. Они восхищались нами. У меня лучшее, что было в жизни, - это то, что я летала...» (Алексиевич, с. 54).

Не каждая женщина, прошедшая войну, может о себе рассказать так, как это сделала санинструктор Мария Петровна Смирнова (Кухарская). Она была награждена высшим знаком Международного Красного Креста – золотой медалью «Флоренс Найтингейл». Мария Петровна рассказывает о своем подвиге: «Когда впервые увидела раненого, упала в обморок. Потом прошло. Когда первый раз полезла под пули за бойцом, кричала так, что, казалось, перекрывала грохот боя. Потом привыкла... Через десять дней меня ранило, осколок вытащила сама, перевязалась сама.

Двадцать пятого декабря сорок второго года наша триста тридцать третья дивизия пятьдесят шестой армии заняла высоту на подступах к Сталинграду. Немцы решили ее во что бы то ни стало вернуть. Завязался бой. На нас пошли немецкие танки, но их остановила артиллерия. Немцы откатились назад, на ничейной земле остался раненый лейтенант, артиллерист Костя Худов. Санитаров, которые пытались вынести его, убили. Поползли две овчарки-санитарки (я их увидела впервые), но их тоже убило. И тогда я, сняв ушанку, стала во весь рост, сначала тихо, а потом все громче запела нашу любимую довоенную песню «Я на подвиг тебя провожала». Умолкло все с обеих сторон – и с нашей, и с немецкой. Подошла к Косте, нагнулась, положила на санки-волокуши и повезла к нашим. Иду, а сама думаю:

«Только бы не в спину, пусть лучше в голову стреляют». Но не раздалось ни одного выстрела, пока не дошла до своих...» (Алексиевич, с. 59).

Всего из-под огня Мария Петровна вынесла четыреста восемьдесят одного раненого, то есть целый стрелковый батальон.

В танковых частях санинструкторы гибли быстро, для них место в танке не предусмотрено. Нина Яковлевна Вишневская, старшина, санинструктор танкового батальона рассказывает: «Перед боем, в котором Любу Ясинскую убили, мы с ней сидели вечером, обнявшись, разговаривали. Это был сорок третий год. Дивизия наша подошла к Днепру. Она мне вдруг говорит: «Ты знаешь, я в этом бою погибну... Вот есть у меня какое-то предчувствие. Ходила к старшине, просила дать новое белье, а он пожалел: «Ты же недавно получила». Пойдем утром, попросим вдвоем». Я ее успокаиваю: «Мы уже два года с тобой воюем, нас теперь пули боятся».

Но утром она меня все-таки уговорила пойти к старшине, выпросили мы у него пару нового белья. И вот у нее эта новая рубашка нижняя. Белоснежная, тут с завязочками такая... Она вся была залита кровью... Вот это сочетание белого с красным, с алой кровью, до сего времени у меня в памяти. Она себе так это и представляла...» (Алексиевич, с. 77).

Война отрицательно влияла на психологию человека. Старшина первой статьи Ольга Васильевна Подвышенская воевала в морской части на Балтике, а ее муж Саул Генрихович был в пехоте сержантом. Они считают, что в их доме живут две войны. Ольга Васильевна рассказывает: «Мне кажется, что в войну мы как-то закаменели, никто по-настоящему ни разу не засмеялся, не поразовался. Нет, мы, конечно, и смеялись, и радовались, но все это было не то, не так, как до войны. И сколько была война, столько человек находился в каком-то особом состоянии, из которого нельзя было выйти. Представляете?...» (Алексиевич, с. 83).

Война формировала у людей фронтовое братство. После войны в Москве ежегодно 9 мая собирался госпиталь пять тысяч двести пятьдесят седьмой во главе с военным врачом, капитаном Александрой Ивановной Зайцевой. Она вспоминает: «Люди не хотели умирать, Мы на каждый стон отзывались, на каждый крик. Меня один раненый, как почувствовал, что умирает, вот так за плечо обхватил, обнял и не отпускает. Ему казалось, что если кто-то возле него рядом, если рядом сестра рядом, то от него жизнь не уйдет. Он просил: еще бы пять минуток пожить, еще бы две минутки... человек умирает, но все равно не думает, не верит, что он умирает. А ты видишь, как из-под волос идет желтый-желтый цвет. Как тень идет, опускается ровно под одежду... И человек лежит мертвый, и на лице какое-то удивление, будто он лежит и думает: как это я умер? Неужели я умер? До последнего момента говоришь ему, что нет-нет, разве можно умереть? Целуешь его, обнимаешь: что ты, что ты?»

Фамилии вот стерлись, ушли из памяти, а лица остались...» (Алексиевич, с. 105).

На протяжении всей встречи чувствовалось, что женщины сегодняшнюю нашу жизнь оценивают оттуда, из прошлого, мерками того сурового и высокого времени.

Ольга Яковлевна Омельченко, санинструктор стрелковой роты вспоминает: «Никому не поверю, если скажет, что страшно не было. Вот немцы поднялись и идут, еще пять – десять минут, и атака. Тебя начинает трести... но это до первого выстрела. А как услышишь команду, уже ничего не помнишь, вместе со всеми поднимаешься и бежишь. И тебе не страшно. Все вспоминаешь, все подробности, и до твоего сознания доходит, что тебя могли убить, и становится безумно страшно. Сразу после атаки лучше не смотреть на лица, это какие-то совсем другие лица, не такие, как у людей. Я не могу выразить, что это такое. Кажется, что все немножко ненормальные. На них смотреть страшно» (Алексиевич, с. 115).

Немцы проявляли жестокость по отношению к раненым советским бойцам, которые попадали в плен. Такие примеры приводятся и в книге С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо». Наши медицинские сестры проявляли к пленным раненым немцам милосердие. Автор книги встречалась с дочерьми Героя Советского Союза Василия Захаровича Коржа – Ольгой Васильевной и Зинаидой Васильевной. Они обе во время войны были санинструкторами в кавалерийских эскадронах. Зинаида Васильевна рассказывает: «В бою под Будапештом. Это была зима... И я тащила, значит, сержанта раненого, командира расчета пулеметного. Сама я была одета в брюки и телогрейку, на мне была шапка-ушанка. Тащу и вижу: черный снег такой. Я поняла, что это глубокая воронка, то, что мне и надо. Спускаюсь в эту воронку, а там кто-то живой – я чувствую, что живой, и скрежет какого-то железа... Поворачиваюсь, а фашист раненый, в ноги раненый, лежит и автомат на меня наставил. А у меня, когда я раненого тащила, волосы из-под шапки выбились, сумка санитарная через плечо и красный крест... Когда я повернулась, он увидел мое лицо, понял, что это девушка, и вот так: «Ха-а-а!» У него, значит, нервное напряжение спало, и он этот автомат отбросил. Ему безразлично стало...

И вот мы втроем в одной воронке: наш раненый, я и этот немец. Воронка маленькая, ноги у нас вместе. У немца огромные такие глаза, и он смотрит на меня этими глазами – что я буду делать? Автомат он отбросил сразу, понимаете? Наш раненый не поймет, в чем дело, за пистолет хватается, а тот ничего не делает, смотрит только на меня. Я эти глаза и сейчас помню... Перевязываю своего раненого, а немец лежит в крови, он истекает кровью, одна нога у него перебита совсем. Еще немного и он умрет. И я, окончив перевязывать нашего раненого, разрываю ему, этому немцу, одежду, перевязываю его и накладываю жгут и дальше перевязываю нашего. Немец говорит: «Гут... Гут... Данке...» Его силы покидают.

«Гут... Гут...» - только это слово повторяет. Я перевязала нашего раненого, а потом думаю, что скоро приедет повозка, надо вытащить их обоих. Когда пришла линейка, я погрузила немца вместе с нашими раненым и повезла» (Алексиевич, с. 127 – 128).

Женщины на войне выполняли самую будничную работу. Они стирали белье, варили кашу, пекли хлеб. В книге С.А. Алексиевич представлены рассказы женщин, которые выполняли такой труд.

Присутствие женщины на войне производило положительное воздействие на бойцов. Вот как об этом говорит военный хирург Вера Владимировна Шевалдышева: «Присутствие женщин облагораживало мужчин. Если ты где-то появляешься, у них светлеют лица. Например, они узнают, что санинструктор будет делать медицинский осмотр, - стараются вычистить свою одежду, землянку уберут. Я всю войну улыбалась, я считала, что должна улыбаться как можно чаще, что женщина должна светить. Перед отправкой на фронт старый профессор нам так говорил: «Вы должны каждому раненому говорить, что вы его любите. Самое сильное ваше лекарство – это любовь. Любовь сохраняет, дает силы выжить». Лежит раненый, ему так больно, что он плачет, а ты ему: «Ну, мой миленький. Ну, мой хорошенький...» - «Ты меня любишь, сестричка?... (они нас всех молоденьких, звали сестричками)». – «Конечно, люблю. Только выздоравливай скорее». Они могли обижаться, ругаться, а мы, медперсонал, никогда. За одно грубое слово у нас наказывали вплоть до гауптвахты» (Алексиевич, с. 158 – 159).

Женщинам на войне постоянно приходилось доказывать свое равноправие с мужчинами. Мария Семеновна Калиберда, сержант, связистка рассказывает: «Мы хотели быть равноправными, чтобы о нас не сказали: «Ах, эти женщины!» и мы старались больше, чем мужчины. Мы еще должны были доказать, что мы не хуже мужчин. А к нам долго было такое высокомерие, снисходительное отношение: «Навоюют эти бабы...» Конечно, с женщиной больше забот, чем с мужчиной, труднее. У нее психология, физиология – все другое» (Алексиевич, с. 170).

Женщины брались на фронте за самую трудную работу. Об одной из таких работ рассказывает Апполина Никоновна Лицкевич-Байрак, младший лейтенант, командир саперно-минерного взвода: «Пригласили офицеры завтракать. Я согласилась: саперам не всегда доставалась горячая еда, в основном, как шутили острословы, жили на подножном корму. А тут так вкусно пахло. Когда все разместились за кухонным столом, я обратила внимание на русскую печь, закрытую заслонкой. Подошла и стала рассматривать заслонку. Офицеры засмеялись: «Не будь это женщина, мины даже в горшках мерещатся». Я отвечаю на их шуточки и тут замечаю, что в самом низу, с левой стороны заслонки имеется маленькая дыроч-

ка. Внимательно к ней присмотрелась: вижу тоненький проводок, который ведет в печку. Быстро повернулась к сидевшим: «Дои заминирован, прошу покинуть помещение». Офицеры притихли и с недоверием уставились на меня. Я еще раз повторила: «Немедленно очистить помещение...»

С саперами приступили к работе. Сначала убрали заслонку. «Перекусили» ножницами проволоку – взрыва не последовало. В печке лежало несколько связанных шпагатом эмалированных литровых кружек. Мечта для солдата, лучше, чем котелок. В глубине печки, завернутые в черную бумагу, два больших свертка. Килограммов двадцать взрывчатки. Вот вам и горшки...» (Алексиевич, с. 184 – 185). За войну Апполина Никоновна Лицкевич-Байрак вместе со своими саперами восемьсот мин обезвредила.

На войне были смерть, страх, слабость, тяжелая работа, а также женское долготерпение, любовь, верность и нежность женщины. Старший сержант, медсестра Нина Васильевна Ильинская (Чирва) рассказывает: «У нас - комбат и медсестра. Они поженились. Какая в тех условиях свадьба? Но они любили друг друга. Он шел в бой, и она рвалась. Говорила, что не простит себе, если он погибнет не на ее глазах, если она не увидит его смерть. «Пусть, - хотела, - нас вместе убьют. Одним снарядом накроет». Умирать они собирались вместе или вместе выжить. Его тяжело ранило, его отправляют в тыл, а она беременная осталась. Он ей дал письмо: «Езжай к моим родителям. Что бы со мной ни случилось, ты моя жена. И будет мой сын или моя дочь...» (Алексиевич, с. 204).

В годы войны в оккупированной Белоруссии было развернуто партизанское движение. Женщины составляли значительную часть партизанских отрядов. Партизанка-разведчица Бытошской партизанской бригады Антонина Алексеевна Кондрашова рассказывает: «Когда, выполнив одно задание, я уже не смогла оставаться в поселке и ушла в отряд, мать забрали в СД¹. Брат успел убежать, а мать забрали. Ее там мучили, допрашивали, где дочь. Два года она была там. Два года фашисты ее вместе с другими нашими женщинами водили впереди себя, когда шли на свои операции; они боялись партизанских мин и всегда гнали впереди себя местное население. В случае, если есть мины, эти люди будут подрываться, а солдаты останутся целыми. Два года они так водили и мою мать» (Алексиевич, с. 209). Перед самым уходом, в 1943 году, гитлеровцы расстреляли мать Антонины Алексеевны Кондрашовой.

Во время войны женщине-матери приходилось переносить невероятное страдание и горе. Она часто теряла своих сына или дочь. Но еще тяжелее было терять своего маленького

¹ СД – служба безопасности и политической разведки в нацистской Германии.

ребенка. В книге С. А. Алексиевич «У войны не женское лицо» приводится рассказ, которым поделилась Вера Иосифовна Витушка, секретарь Заславского подпольного райкома партии: «... Моя подруга перед самой блокадой родила. Ребенок маленький-маленький, и она сама слабая. А тут блокада. Партизанская блокада – это самое страшное для нас было. Окружают со всех сторон и жмут клещами. На нас идут танки, сверху бомбят самолеты... Сжигаются деревни, уничтожается все живое... Нам надо отходить, прятаться. Это же эсэсовцы идут и армейские части. Противостоять армии у нас нет сил. И вот, когда проходили одну местность, нам надо было перейти дорогу, где, мы знали, оставлены немецкие засады. Должна быть абсолютная тишина. Там даже шепот был опасен, не то что детский плач или писк. А с ребенком это было невозможно, он в любую минуту мог заплакать. И вот, посоветовавшись, предложили матери, что нужно ребенка здесь оставить, иначе все погибнем все пятьдесят или сколько там человек. одним словом, много.

Я не знаю, что мать сделала с ребенком, но его с нами уже не было...

Долго после этого случая она болела, когда вышли из блокады. Думали сначала, что тиф, но, видно, это было сильное нервное расстройство. Если бы она только себя спасала, она же спасала всех нас. И каково же ей было жить среди нас?

После войны она родила еще троих детей, отдает им душу. Мы встречаемся, вспоминаем о войне, но о том случае никогда. Разве тут мать судить надо? Тут войну надо судить...» (Алексиевич, с. 238 – 239).

На войне бывают трудно прогнозируемые события. Случай, который описывается в книге Светланы Алексиевич, кажется, почти не реальный, но он произошел. Санинструктор Любовь Захаровна Новик рассказывает: «Самое страшное, что я помню? Это когда восьмилетний хлопчик просил наших солдат: «Убейте мою мамку! Убейте мою мамку!» И плакал.

А вот как было... Мы остановились переночевать в этой деревне. Деревню сожгли, три хаты от нее осталось. Та, в которую мы зашли, была хорошая. Хозяйка нас накормила, растопила печку. «Только, - торопила, - ложитесь скорее спать...»

А хлопчик ее шепнул нашему командиру:

- Дяденьки, не ложитесь спать. У нас немцы под полом спрятаны. Вы заснете, они вас побьют.

Быстро оцепили дом. Вылезли эти немцы без единого выстрела. Человек десять, вооруженные. Они бы нам конец сделали, только мы усни.

Хозяйка стоит белая. А хлопчик ее просит:

- Вы ее убейте! Убейте мою мамку! Она все время с немцами...

Ее отправили куда-то, а мальчишку командир не отпустил, взял к себе. Так он с нами

и был. Как сын полка» (Алексиевич, с. 242 – 243).

Вторая книга С.А. Алексиевич называется «Последние свидетели (Книга недетских рассказов)». Она посвящена судьбам детей, оказавшихся свидетелями событий, происшедших на оккупированных фашистами территориях. Все участники рассказывают о своих матерях, которые в тяжелые годы войны защищали и оберегали своих детей, даже ценой собственной жизни. Об этом рассказывает и Валя Юркевич, которая после войны стала учительницей в Минске. В годы оккупации ее семья – сестра, бабушка, мама и Валя – жила в Витебске. Отец был на фронте. Однажды ночью немцы ворвались в дом этой семьи и увезли ее в концлагерь на территории литовского города Алитуса. Погибают бабушка и сестра Вали. Вот фрагмент ее рассказа: «Мама моя была учительницей. Она твердила: «Надо остаться человеком». Даже в аду она старалась сохранить какие-то привычки нашего дома. Не знаю, где она стирала и когда, но на мне всегда все было чистое, стираное. Зимой она стирала снегом. Снимет с меня все, я сижу на нарах под одеялом, а она стирает. У нас было только то, что было на нас.

Даже пыталась отмечать праздники, приберегали на этот день чего-нибудь съестного. Мама пыталась улыбаться в этот день. она верила, что придут наши. Благодаря этой вере мы и выжили» (Алексиевич, с. 424).

Итак, произведения С.А. Алексиевич воссоздают картину жизни и борьбы советских людей в годы Великой Отечественной войны. В героических усилиях советского народа в приближении победы в войне значительное место принадлежит женщинам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 11.
2. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 33.
3. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 36.
4. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 41 - 42.
5. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .54.
6. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .59.
7. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не жен-

ское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .77.

8. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .83.

9. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .105.

10. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .115.

11. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .127 - 128.

12. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .158 - 129.

13. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .170.

14. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. .184 - 185.

15. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 204.

16. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 209.

17. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 238 - 239.

18. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 242 - 243.

19. Алексиевич С.А. Последние свидетели (Книга не детских рассказов) // С.А. Алексиевич. У войны не женское лицо...: Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 424.

REFERENCES (transliteration)

1. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 11.

2. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 33.

3. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 36.

4. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 41-42.

5. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 54.
6. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 59.
7. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 77.
8. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 83.
9. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 105.
10. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 115.
11. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 127-128.
12. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 158-129.
13. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 170.
14. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 184-185.
15. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 204.
16. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 209.
17. Alexievich S. A. U voiny ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voina ne zhenskoe face...: Documentalnaya proza. M.: Pravda, 1988. P. 238-239.
18. Alexievich S. A. U voina ne zhenskoe face // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 242-243.
19. Alexievich S. A. The last witnesses (The book of non-child stories) // S. A. Alexievich. U voiny ne zhenskoe face...: Documentary prose. M.: Pravda, 1988. P. 424.